

СХАЛЯХО Дарико Саферовна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела литературы
Адыгейского научно-исследовательского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева
Майкоп, Россия

Dariko S. SKHALYAKHO

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Leading Researcher, Department of Literature,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
arigi@mail.ru

О некоторых аспектах адыгского представления темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец»

On Some Aspects of the Adyghe Representation of the Theme of Courage and Dishonor in Mikhail Lermontov's Poem "The Fugitive"

Вопрос о гражданском героизме в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» осмысливается в духе традиционных-адыгских представлений о долге перед родиной и своим народом. Автор, свидетельствуя о высокой мере строгости черкесских представлений о боевой чести и достоинстве, раскрывает участь труса Гаруна. Индивидуализм героя поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» трактуется в морально-философском аспекте, при этом подчеркивается мысль, о том, что славная кончина лучше, чем позорное спасение. Отмечается, что поэт смог сориентироваться на основную ментальную доминанту черкесского общества, на так называемую «культуру стыда», суть которой проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов, по существу, имеет силу закона.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Беглец», поэзия, адыги, герой, мужество, отвага, предатель, позор, ментальные черты, «культура стыда» традиционные ценности, индивидуализм.

The issue of civilian heroism in a poem by Mikhail Yu. Lermontov "The Fugitive" is interpreted in the spirit of traditional Adyghe notions of duty to the Motherland and its people. Author, indicating high severity of the Circassian ideas about combat honor and dignity, reveals the fate of the coward Haroun. Individualism of the hero of Lermontov's poem is interpreted in moral and philosophical aspects, emphasizing the idea that a glorious death is better than a shameful salvation. It is noted that the poet was able to navigate to the main mental dominant of the Circassian society, the so-called "culture of a shame", the essence of which is manifested in the form of public opinion, which in fact has the force of law for the Circassians.

Keywords: Lermontov, "The Fugitive", poetry, Circassians, hero, courage, bravery, traitor, shame, mental features, «culture of a shame», traditional values, individualism.

Как известно, М. Ю. Лермонтов художественно исследовал психологию не только сильных, но и слабых личностей. Подтверждением тому служит поэма «Беглец», где в сфере сознания лирического героя М. Ю. Лермонтова морально-философский «вопрос о гражданском героизме в жизни людей ставится... по-новому, в связи с расширением общей про-

блемы смысла и цели человеческого бытия» [4, с. 131]. Она написана в духе черкесской фольклорной традиции, согласно которой, насколько возвеличивался герой, настолько же осмеивался и трус на вечный позор. «Правда, – пишет Б. М. Эйхенбаум, – есть довольно убедительные указания на то, что «Беглец» восходит к двум романам В. Скотта – «Роб-Рой»

и «Пертская красавица», в которых имеются очень сходные эпизоды с горцами, бежавшими с поля сражения. Если это и так, то надо полагать, что М. Ю. Лермонтов слышал подобную легенду и на Кавказе, – в противном случае вряд ли он перенес бы действие на Кавказ и назвал бы это стихотворение «горской легендой» [12, с. 359].

О родстве лермонтовской поэмы «Беглец» с черкесскими фольклорными жанрами существуют подтверждения. В частности, отзвуки этой поэмы имеются в содержании переданной Тэбу де Мариньи одной черкесской песни. «В моем присутствии были исполнены несколько песен, – сообщает он в своем описании поездки в Черкесию, – и среди них плач о юноше, которого решили изгнать из родного края за то, что он возвратился один из похода против русских, в котором все его товарищи погибли» [10, с. 98]. Сюжетная ситуация песни, описанной Тэбу де Мариньи, соотносима с интонацией подчеркнута высоконравственного порицания, которым проникнуто лермонтовское произведение. Это подтверждает реально-жизненный черкесский характер содержания поэмы. Это была ситуация, которая затрагивала проблему жизни и смерти. И в одной из двух противоположностей – мужество, отвага, святость родного очага, с одной стороны, малодушие, трусость, предательство, с другой — человек исчерпывал себя. «Однако, – пишет В. Э. Вацура, – поэма как художественное целое возникает не столько на основе синтеза... источников,.. сколько на основе свободного развития мотивов, составляющих как бы этико-психологический и бытовой субстрат» [3, с. 239].

Как известно, каждый народ имеет свой образ мышления, систему мировоззрения, которые в значительной степени и определяют направленность его развития. Эта система духовно-нравственных моделей мышления и поведения народа сформировывалась в течение тысячелетий в традициях, зависимых от вкусов, представлений и взглядов данного этноса. В этом процессе рождались категории благородного и грубого, красивого и уродливого, героического и трагического. «Трагичность исторической судьбы адыгов выразилась в том, – пишет К. Н. Паранук, – что самой востребованной из всех возможных ремесел

и профессий оказалась профессия воина. Суровая кочевая жизнь, бесконечные походы, постоянная готовность защитить свою «райскую» землю, которая всегда была предметом вождения для захватчиков – выпестовали из адыгов искусных воинов и непоколебимых защитников Отечества» [9, с. 69-70]. Поэтому главные ментальные черты адыгов первой половины XIX в. оказались ориентированными на традиционные ценности, связанные с культом воинской доблести, сопутствующего ему своеобразного рыцарского духа и рыцарских правил поведения. Народный метод воспитания любви к Отечеству предусматривал, чтобы человек во имя его жертвовал личным счастьем, даже своей жизнью, если обстоятельства этого требовали. В частности, в «Истории адыгейского народа» Шора Ногмов пишет: «Адыге славилась храбростью и безответным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления» [8, с. 66]. В глазах народа человек, проявивший слабость и оставивший поле битвы до окончания войны, становился не только отверженцем и объектом всеобщего посмешища. Поступок изменника накладывал отпечаток и на его близких, которые не имели права показываться в общественных местах до тех пор, пока он не искупит свою вину в очередной войне, где храбро сражаясь, должен был или победить врага или погибнуть. Если человека, легко поддающегося чувству страха, певцы сурово осуждали, то храброго – прославляли. Поэтому самым почетным для мужчины считалось совершить героический подвиг и быть впоследствии воспетым народом.

Свидетельств высокой меры строгости адыгских представлений о боевой чести много в описаниях их быта и нравов. Например, Тэбу де Мариньи, свидетельствуя о высокой мере строгости черкесских представлений о боевой чести и достоинстве, писал: «Пылкая любовь к независимости и воинская доблесть, которая не поддается обузданию, делают их грозными для их соседей. Привычные с самого нежного возраста к суровой закалке тела, упражнениям с оружием и лошадью, они признают одну только славу победы над врагом, а стыдом – бегство от врага» [10, с. 26]. И другой исследователь Кавказа Г. Лопатинский свиде-

тельствовал: «Я видел весною 1857 г. во время сильной перестрелки на реке Атакуме, как один...бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях, в этом случае он погиб: ни одна девушка не подаст ему руку. Он становится посмешищем в стране. Таков был суровый рыцарский этикет» [7, с. 123]. Именно это чувство позора позволяло воину преодолевать страх на войне. Не смерти должен был бояться настоящий воин, а бесчестия оказаться трусом и предателем. Это и делало смелость общим достоянием всех. В поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» тема мужества осмысливается в этих традиционно-национальных представлениях о долге перед Родиной и своим народом. Это – поэма о рыцарских законах черкесского народа и об участии труса.

Примечательно что, точно так же, как в черкесском обществе трусость была исключительной чертой, встречающейся очень редко, и в творчестве М. Ю. Лермонтова это единственное произведение, описывающее отсутствие твердости духа, решительности и мужества черкеса. Поэма о суровом нравственном долге, гражданской сущности человека на войне. Гарун, герой поэмы, бежит с поля сражения, где сложили свои головы его отец и два брата, защищая свою честь и независимость родного края. Героические действия отца и его сыновей подаются автором в духе народного понимания поведения героев в бою, предпочитая смерть позорному бегству, ибо гражданское и героическое содержание жизни является для них единственным смыслом и целью человеческого бытия. В отличие от них Гарун своим поступком нарушил установленные нравственные приоритеты: перед альтернативой потерять жизнь или потерять честь он предпочел остаться живым. В глазах соплеменников Гарун, позорно струсивший перед опасностью, стал предателем заветов предков. Оставив поле битвы в то время, когда «черкесы гибнут – враг повсюду...», пренебрег своими нравственными обязанностями, не отомстил за отца и братьев ради спасения себя одного. Индивидуализм героя здесь трактуется в морально-философском аспекте «как источник предательства и антинародной сущ-

ности жизни. Тем самым Лермонтовым ставится вопрос о необходимости коллективных общенародных форм борьбы за национальный прогресс и свободу» [4, с. 199].

Но герой не только проигнорировал свои обязанности. М. Ю. Лермонтов пишет: «Гарун забыл свой долг и стыд». Примечательно то, что поэт смог сориентироваться на основную ментальную доминанту черкесского общества, «на так называемую «культуру стыда» (ук1ытэ. – Д. С.), суть которой состоит в том, что представитель общества в высшей степени озабочен тем, чтобы не допустить морального осуждения своих действий со стороны общины» [5, с. 14].

Здесь «социальный контроль... проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов по существу имеет силу закона. Известно, что самым страшным для адыгов считается худое слово, худая молва» [11, с. 182]. Именно поэтому общественное мнение у адыгов являлось мощным фактором, регулирующим человеческие взаимоотношения, нравственные принципы жизни, чувство стыда, «в котором...доминирует страх, как бы предупреждающий бесчестие, позор» [2, с. 30], становилось механизмом социального контроля, его использование позволяло обществу контролировать поведение молодежи и предотвращать антисоциальные действия и правонарушения. В частности, абхазский ученый В. А. Бигуаа в рамках рассмотрения этических основ художественного образа в литературах абхазо-адыгских народов обращает внимание на то, что «стыд и страх, с точки зрения нравственности, выступают в качестве инструмента морального контроля и проявляются почти во всех категориях адыгагъэ и апсуара. Именно в этом понимании их отсутствие приводит к нравственной деградации человека... С точки зрения этической системы, страх выполняет функцию нравственного регулятора и тесно связан с этической категорией стыда: человек чести, воспитанный в духе адыгагъэ и апсуара, страшится не физической боли или наказания, а общественного, коллективного порицания, позора» [2, с. 30–31]. Именно боязнь осуждения создавал довольно жесткий порядок поведения человека, которому приходилось считаться и даже приспосабливать свои действия к общественной точке зрения.

Такой порядок заставлял его жить в боязливой оглядке на людское мнение. Традиционная черкесская система ценностей не позволяла ему быть свободным по отношению к своему роду, семье. Тот, кто не соответствовал традиционно-ценностным установкам и критериям общества вступал в социальный конфликт со своим народом. Поэма «Беглец» как раз и представляет собой модель такого конфликта. Общество, приверженное к традиционным социокультурным ценностям, не может простить Гаруну проявленную им на войне слабость, и автор демонстрирует презрительное к нему отношение людей родного аула. Отступничество Гаруна от обусловленных обществом норм поведения лишает его социального статуса и поэтому должен быть изгнан.

Заданная изначально сакраментальная социокультурная модель адыгского общества с трусостью генетически не совместим, что показано на примере судьбы Гаруна. Именно поэтому его, как чумного сторонятся, и никто не пытается скрыть к нему презрения, как существу мерзкому и гадливому. Беглец сначала подходит к сакле умирающего от полученных на поле боя ран Селима и просит убежища. Но, считавшийся до этого случая другом Гаруна, Селим не удостоивает его «ни кровом, ни благословением». Вспомнил Гарун и о любимой девушке. Но его остановила старинная песня, «Месяц плывет и тих и спокоен», уже встречавшаяся в поэме «Измаил-Бей» под названием «Песня Селима». Ее девушки обычно пели, провожая своих любимых на войну. В ней девушка давала наставление возлюбленному быть мужественным и отважным, чтобы в сражении победить неприятеля. Песня предупреждала, что «Своим изменивший Изменой кровавой, Врага не сразивши, Погибнет без славы» [6, с. 553]. Услышав эти слова из уст любимой девушки, герой, предавший чувства провожавшей его возлюбленной, проявив боязливость и несмелость, не решился зайти к ней. Песня возвращает нас к суровой морали черкесов о необходимости жертвовать собой, своей жизнью во имя благополучия Родины. Она, с одной стороны, поднимает тему героического, тему свободы на большую высоту, с другой – выступает как приговор предателю-трусу, изменившему традициям отцов. В

суровой тональности песни слышен голос родины, требовательно-ласковой к своим благодатным сынам, но беспощадной к лишенным твердости и последовательности изменникам. Суть песни тесно связана с содержанием поэмы. Здесь она направляет, определяет поведение героя. Последнюю надежду Гарун возлагал на мать. Но его позор падал особенно на мать, воспитавшую труса. Ментальные традиции адыгов с их культом мужества и отваги, подчинившими себе и сознание женщины, породили образ матери, более всего страшащейся родить недостойного сына, сына-труса. Поэтому и она тоже прогнала его, так как предательский поступок героя становится потенциальным источником стыда и для нее:

*...гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой.
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы [6, с. 551].*

«Крайняя жестокость концовки, – отмечает В. Э. Вацура, – выступает еще более рельефно на фоне эпически хладнокровной интонации рассказчика. Но жестокость не столь чудовищна, как должно это казаться европейцу: перед нами иная, неевропейская, система ценностей и этических представлений» [3, с. 240]. Ни дружба, ни любовь, ни родственные связи не могли быть препятствием для безусловного следования народно-общественным установкам, декларирующим права и обязанности каждого отдельного представителя этого этноса. По черкесским обычаям только смыв свой позор подвигом, герой мог вернуться в лоно традиционных ценностей. Но он оказался не способным на это, хоть и терпел муки и стыдился своего поведения. Поэтому мнение людей становится мерой поведенческой самооценки героя: Гарун, всеми отвергнутый и изгнанный, пресекает свое постыдное, унижительное бесчестье ударом кинжала, ибо его поведение выходило за рамки черкесской действительности, традиционных норм, определявших мироустройство народа. И имя героя становится для народа синонимом беславия:

*В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца [6, с. 554].*

Позорный поступок определил отталкивающее отношение родных к трусу. Сила общественного мнения, обрекая его на одиночество, была настолько велика, что он предпочел умереть. Потому что, хоть он и понимал, что нарушил нравственно-поведенческие нормы своего народа, в то же время не мыслил себя, вне своего этноса. И когда произошел разрыв с ним, тогда и его жизнь потеряла смысл. Этим обусловлено его самоубийство. Насколько бесславленным был его поступок, настолько же бесславной оказалась и его смерть – это двойное бесчестье, двойная гибель для героя. Отсюда напрашивается вполне оправданный вывод о невозможности личного благополучия и счастья вне благополучия и счастья всего народа. Так через отрицательный типаж героя-изгоя М. Ю. Лермонтов выразил менталитет адыга-черкеса. То, что М. Ю. Лермонтов «приводит своего героя к бесславной гибели», свидетельствует о том, что он «на стороне традиционных северокавказских нравственно-социальных установок» [1, с. 456]. В лице Гаруна «автор с гражданских позиций осуждает и развенчивает в поэме индивидуализм, замыкающий человека в узкие рамки личных интересов и противостоящий общественной морали» [4, с. 133], а в образах Селима, любимой девушки Гаруна и его матери «утверждает гражданское и героическое

содержание жизни, как единственный высокий смысл и цель человеческого бытия» [4, с. 132].

Таким образом, показ инационального героя решается в поэме на основе творческого постижения культуры черкесского народа, национальной специфики его традиций. Но в решении этого вопроса «в поэме наблюдаются два художественно-стилевых начала: романтически-обобщенное и объективно-конкретное, эмпирическое. Второе начало способствует воссозданию кавказской действительности в ее предметной и бытовой конкретности, а также национальной характерности. Другое же романтически-обобщенное начало, которое является доминирующим, наоборот, выводит изображаемое за пределы конкретной кавказской действительности и придает ему общечеловеческое значение» [4, с. 139]. Поэтому полные всеобщим презрением слова матери, адресованные Гаруну, приобретают обобщенный смысл, который легко можно приписать к предателям любой национальности. И получается так, что поэма о суровом нравственном долге человека на войне, независимо от того, какой он национальности. Пронизанная фольклорными мотивами, она как бы устами народа порицает трусость, малодушие, пренебрежение интересами Родины ради спасения одной своей жизни.

Использованная литература:

1. Анкудинов Н. А. А. С. Пушкин о социокультурном конфликте в поэме «Тазит» // Мир и культура адыгов (проблема эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 452–456.
2. Бигуаа В. А. Абхазская литература и литература народов Северного Кавказа: Историко-культурный конспект. Диаспора. М.: Ин-т мир. лит-ры им. М. Горького, 2011
3. Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л.: Наука, 1976.
4. Глухов А. Н. Эпическая поэзия М. Ю. Лермонтова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.
5. Костылев С. В. Менталитет адыгского этноса: проблемы становления и эволюции: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Краснодар, 2003.
6. Лермонтов М. Ю. Беглец // Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1.
7. Лопатинский Л. Г. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея) полковника и коман-

References:

1. Ankudinov, N. A., A. S. Pushkin o sotsiokul'turnom konflikte v poeme «Tazit» (Pushkin about the Socio-Cultural Conflict in the Poem "Tazit"), in *Mir i kul'tura adygov (problema evolyutsii i tselostnosti)*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 452–456.
2. Biguaa, V. A., *Abkhazskaya literatura i literatura narodov Severnogo Kavkaza: Istoriko-kul'turnyy konspekt. Diaspora* (Abkhazian Literature and Literature of the Peoples of the North Caucasus: Historical and Cultural Synopsis. Diaspora), Moscow: Institut mirovoy literatury imeni M. Gor'kogo, 2011
3. Vatsuro, V. E., M. Yu. Lermontov (Mikhail Yu. Lermontov), in *Russkaya literatura i fol'klor. Pervaya polovina XIX veka*, Leningrad: Nauka, 1976.
4. Glukhov, A. N., *Epicheskaya poeziya M. Yu. Lermontova* (Epic Poetry of Mikhail Lermontov), Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1982.
5. Kostylev, S. V., *Mentalitet adygskogo etnosa: problemy stanovleniya i evolyutsii* (The Mentality of the Adygeyan Ethnos: the Problems of Formation and

дира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995.

8. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.

9. Паранук К. Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыгейский республиканский кн. изд-во, 2012.

10. Тэбу де Мариньи Э. Поездки в Черкессию / пер. с франц. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

11. Ханаху Р. А. Морально-этический феномен адыгагъэ – основа народной культуры // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 177–184.

12. Эйхенбаум Б. М. Лирика Лермонтова // Статьи о Лермонтове. М.-Л.: АН СССР, 1961.

Evolution.), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Krasnodar, 2003.

6. Lermontov, M. Yu., Beglets (The Fugitive), in *Lermontov, M. Yu., Sochineniya*, in 2 vols., vol. 1, Moscow: Pravda, 1988.

7. Lopatinskiy, L. G., *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidtza Teofila Lapinskogo (Teffik-beya) polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyykh gortsev* (Caucasian Mountaineers and Their Liberation Struggle Against the Russians. Eyewitness Description of Theophilus Lapynsky (Teffik Bey), a Colonel and Commander of Polish Troops in the Country of Independent Mountaineers), Nalchik: El'-Fa, 1995.

8. Nogmov, Sh. B., *Istoriya adykheyskogo naroda* (History of the Adyghe people), Nal'chik: El'brus, 1994.

9. Paranuk, K. N., *Mifopoetika i khudozhestvennyy obraz mira v sovremennom adygskom romane* (Mythopoetic and the Artistic Image of the World in the Modern Adyghe Novell), Maykop: Adygeyskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012.

10. Taitbout de Marigny, E., *Poezdki v Cherkesiyu* (Voyages in Circassia), Mal'bakhov, K. A., Transl., Nalchik: El'-Fa, 2006.

11. Khanakhu, R. A., *Moral'no-eticheskiy fenomen adyag"e – osnova narodnoy kul'tury* (The Moral and Ethical Phenomenon of "adygag"e as the Basis of National Culture), in *Mir kul'tury adygov (problemy evolyutsii i tselostnosti)*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 177–184.

12. Eykhenbaum B. M. *Lirika Lermontova* (The Lyric of Lermontov), in *Eykhenbaum B. M. Stat'i o Lermontove*, Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Схаляхо, Д. С. О некоторых аспектах адыгского представления темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» [Электронный ресурс] / Д. С. Схаляхо // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 87-92. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Skhalyakho.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Skhalyakho, D. S., *O nekotorykh aspektakh adygskogo predstavleniya temy muzhestva i beschestiya v poeme M. Yu. Lermontova "Beglets"* (On Some Aspects of the Adyghe Representation of the Theme of Courage and Dishonor in Mikhail Lermontov's Poem "The Fugitive"), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 87-92. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Skhalyakho.pdf. Accessed Month DD, YYYY.